

П.Н. Краснов

**От двуглавого орла к
красному знамени; 1894-1921**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Н. Краснов**
От двуглавого орла к красному знамени; 1894-1921: Том 3 / П.Н. Краснов –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 528 с.

ISBN 978-5-517-98382-4

ISBN 978-5-517-98382-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

добнось стоять на посту и смотрѣть, какъ нѣмцы что то дѣлають у себя, — не то чинять проволоку, не то прорѣзываютъ въ ней проходы. Спокойно, дѣловито работаютъ они и видно, что ходить сзади офицеръ и покрикиваетъ, должно быть, на нихъ. Хорошо бы ихъ теперь шрапнелью sprysнуть, да видно и на артиллерійскаго наблюдателя нашла такая же благодушная лѣнь... Пусть себѣ работаютъ. Ну стоять ли теперь убивать, когда повсюду такая свобода объявлена и дѣлается все такое странное и неслыханное, какого не дѣлалось никогда и нигдѣ.

— Приѣзжаю я, братцы мои, въ Луцкъ, восторженно говорилъ Икаевъ, а тамъ уже на площадкѣ солдаты насъ ожидаютъ. И у каждаго на шинели красный бантъ нашпиленъ. Встрѣчаютъ насъ. «Вы», говорятъ, «товарищи делегаты отъ корпуса? Мандаты ваши покажите». Провѣрили документы и сейчасъ насъ, будто бы мы енаралы какіе то, сажаютъ въ антонобилъ и везутъ прямо во дворець. Банты намъ даютъ алые. «Товарищи», говорятъ, — «это священный знакъ свободы и вамъ надо его носить на груди».

— Ишь ты!, — сказалъ со вздохомъ одинъ изъ слушателей, ну-у! А Сетраковъ бантъ такой одѣлъ, ему еврейчикъ одинъ подарилъ, агенераль Саблинъ увидѣлъ и стыдить его сталъ. «Ты», говоритъ, «не дѣвка, чтобы банты да лешточки носить. Это не форма!» Въ боевую, грозилъ, поставить.

— Старого режима енараль, — проговорилъ сплевывая шелуху отъ сѣмечекъ Икаевъ. — Несознательный! Не понимаетъ завоеваніевъ революціи. Вотъ тамъ, братцы, я посмотрѣлъ настоящихъ енараловъ! Приѣхали мы во дворець. И что же вы думаете, товарищи! Я и глазамъ своимъ не повѣрилъ. Парные часовые у будокъ сидятъ, винтовки къ стѣнѣ поставлены, сами сѣмечки лущатъ, съ прохожими пересмѣиваются. Я и спрашиваю, что же это моль? А подъ судъ ихъ за это не отдадутъ. А онц, Луцкіе

то, смѣются. «Что», говорятъ, «товарищъ, развѣ плохо? Это не старый режимъ. Это свободные солдаты и часовой — онъ свое дѣло сполняетъ, а стѣсненія обиднаго ему нѣтъ никакого. Что хошь — то и дѣлай».

— Ловко!, вздохнулъ кто то въ толпѣ. Ловко — подумалъ часовой и, повернувшись спиною къ не-пріятелю, сталъ слушать, что говорилъ Икаевъ.

— Во дворцѣ, товарищи, поставили насъ не по чинамъ, или званіямъ, отдѣльно офицеровъ и солдатъ, какъ при старомъ режимѣ бывало, а поставили вперемежку: — всѣ молъ равны. Выше меня сталъ солдатъ какой-то, а немного пониже енараль и офицеръ. Напротивъ собрались какіе то енаралы, слышать, по дѣламъ пріѣхали. Выходитъ къ намъ сейчасъ же главнокомандующій. На груди у него красный бантъ большущій и ленты свѣшиваются и егорьевскій крестъ даже закрываютъ. На тѣхъ то енараловъ, что по дѣлу его ожидали и не посмотрѣлъ совсѣмъ, а прямо къ намъ, делегатамъ. Я вытянулся, приготовился уже крикнуть «здравія желаю», гляжу, а онъ съ ручкой къ каждому подходитъ, здоровкается съ каждымъ. И мнѣ податъ. Тутъ я понялъ, что значитъ: — равенство.

Икаевъ вздохнулъ. Послушно завздохали солдаты въ толпѣ слушателей.

— Съ ручкой!... Главнокомандующій... Ишь — ловко. А не вре? — заговорили солдаты.

— Да... Вечеромъ, значитъ, продолжалъ Икаевъ, давши улечься впечатлѣнію, пожалуйте на засѣданіе, въ театръ, а до того всѣмъ одинаково: — померъ въ гостинницѣ и три рубля суточныхъ, безъ раздѣленія званіевъ. Пришли мы въ театръ. А насъ тамъ первымъ дѣломъ спрашиваютъ: — «вы какой партіи будете?» Господи ты Боже мой — я и не думалъ никогда, какія тамъ партіи бываютъ. Искренно говорю, что не знаю. Подходитъ такой молодой человѣкъ, такъ похоже, что изъ евреевъ и говоритъ такъ любезно: «позвольте я вамъ разъ-

ясню». И сталъ докладать. Да! Мудрено, а красиво! Большевики, значить есть, меньшевики, социаллисты революціонеры, социаль демократы, разные такіе, есть, что и Царя опять желаютъ. — «Куда», спрашиваетъ, «васъ писать?» Пишите, говорю, гдѣ земли больше дають и свобода самая настоящая. Стали мы, значить, товарищи, — большевиками... Да, — крутя головою сказалъ задумчиво Икаевъ. — Сталъ я партійнымъ человѣкомъ.

Икаевъ замолчалъ. Въ толпѣ всѣ затаили дыханіе. Сказка развертывалась передъ ними. Главнo-командующій «за ручку», бантъ красный на немъ, часовые сидятъ на посту, солдаты на автомобилѣ раскатываютъ, есть партія, гдѣ земли много дають... Чудно и сладко.

— Я, — помолчавъ, сказалъ Икаевъ, — такъ теперь смотрю. Я, даже могу сказать, презираю того человѣка, который ежели не партійный.

II.

Воронковъ суетливо перебѣгалъ изъ землянки въ землянку. Всюду была для него аудиторія. Количествомъ слушателей онъ не смущался, да ихъ было и не мало. Онъ побывалъ въ Петроградѣ и пріѣхалъ оттуда заряженный смѣлымъ задоромъ революціи.

— Товарищи! — говорилъ онъ, задыхаясь и худое нервное лицо его передергивалось, — вы обмануты. Васъ, товарищи, предають. Васъ нарочно держать въ старомъ режимѣ. Что это такое?! Титулованіе, отданіе чести, офицеры васъ грѣютъ по прежнему. Товарищи, вы должны сбросить это все и приступить къ демократизаціи арміи. Въ Петроградѣ всѣ начальники выборные. Развѣ тамъ мыслимъ такой генераль, какъ Саблянь? Тамъ его на штыки бы подняли. У васъ я не вижу никакихъ завоеваній революціи. Вы должны собраться на

митингъ и потребовать исполненія приказа № 1. Права солдата не соблюдаются, вы все такіе же сѣрые рабы, какъ и были. Гдѣ у васъ красныя знамена революціи съ тѣми святыми лозунгами, которые я видалъ въ Петроградѣ? У васъ все то же: — Царь и Богъ! Эхъ, товарищи, не для того свергали мы Цари, не для того познали, что Бога нѣтъ и Бога выдумали буржуи и капиталисты, чтобы держать народъ въ темнотѣ и рабствѣ. Товарищи, на алыхъ знаменахъ революціи я видалъ святыя слова: — «Миръ хижинамъ — война дворцамъ». «Долой войну». Война нужна только капиталистамъ, а мы имъ болѣе не служимъ. Соорудимъ красныя знамена и подѣ ними и съ ними мы будемъ отстаивать права народныя и завоеванія революціи.

Въ нѣкоторыхъ землянкахъ офицеры пробовали возражать Воронкову, но онъ нагло перебивалъ ихъ, не давалъ говорить и кричалъ.

— Вы обманули народъ! Вы утаили отъ товарищей солдатъ завоеванія революціи. Вы держите въ темнотѣ оконныхъ страдальцевъ!

Поднимался шумъ и офицеры умолкали.

Какъ то сразу приказъ № 1, до этого тусклый, вялый и неонятный, выявился, какъ явленіе огромной важности и перевернуть всю жизнь солдата.

Часовой, слушавшій Икаева давно отстоять положенные два часа, Икаевъ ушелъ съ этого мѣста и завалился спать, люди разошлись по землянкамъ, а смѣна ему не шла.

Въ караульной землянкѣ молодой прапорщикъ въ это время препирался съ солдатами, наряжая ихъ на смѣну.

— Сѣдовъ, уже пять минутъ одиннадцатаго. — говорилъ онъ, вамъ пора идти на смѣну Ковалеву.

— Ничаво, господинъ прапорщикъ, онъ постоитъ еще, а у меня что то въ грудяхъ болитъ.

— Панкратовъ, пойдите тогда вы.

— Сейчас! Какъ же я пошелъ, ежели Сѣдова чередъ, я ночь стоять. Да чаво, достоятъ до двѣнадцати, а тамъ и намъ смѣна. Восьмая рота заступить.

Но пришло двѣнадцать, а восьмой роты не было. Она тоже не торопилась идти. Тамъ, разинувъ рты, слушали рассказы Воронкова и не трогались съ мѣста. Только въ четыре часа смѣнили Ковалева...

По землянкамъ были разбросаны въ безпорядкѣ противогазы, шинели и патронныя сумки. Ружей никто не протиралъ. Въ кадкѣ для воды на случай газовой атаки воды не было, пакля отсырѣла, керосинъ растащили по землянкамъ и жгли въ лампочкахъ, хворостъ залили водой. Когда ротный командиръ пришелъ и накричалъ на людей, никто не шевельнулся исполнить его приказанія, а, когда онъ уходилъ, ему вслѣдъ раздались свистки и крики и онъ отчетливо услышалъ злобный крикъ: — «погодите, дождетесь вы Еремѣвской ночи!» Страшное значеніе этихъ словъ было извѣстно старому ротному командиру.

Ротный призвалъ фельдфебеля.

Фельдфебель, пожилой мужикъ крестьянинъ, запасной солдатъ, мрачно выслушалъ жалобы ротнаго командира и, глядя исподлобья, сказалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, не остается, какъ только арестовать прапорщика Икаева и Воронкова. Отъ нихъ вся смута идетъ. Солдаты поговариваютъ, чтобы, значить, арестовать полковника Пастухова и выбрать командиромъ либо Икаева, либо Воронкова.

— Арестовать Воронкова? Да можно ли? Какъ будто бы, Полубояриновъ, права такого нѣтъ теперь, — сказалъ ротный командиръ.

— По приказу нѣтъ права, — отвѣчалъ фельдфебель, — а только, если такъ оставить, хуже будетъ. Слышно, въ Залихватскомъ полку шесть офицеровъ солдаты убили и суда не было. Солдаты не выдали слѣдователю, такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Ротный пошелъ къ Пастухову. Пастуховъ мрачно сидѣлъ въ землянкѣ. Дверь была приперта коломъ.

— Что же дѣлать? — говорилъ ротный.

— Пишу рапортъ начальнику дивизіи о болѣзни. Завтра сдаю полкъ. Пусть командуетъ кто хочетъ. Днемъ по окопамъ пошелъ. Хоть бы кто всталъ. Сидятъ, сѣмечки лущать, норовятъ такъ шелуху плюнуть, чтобы на мою шинель попало. А, каковы стерв....

Пастуховъ испуганно заглянулъ въ дверь и вернувшись сказалъ шопотомъ.

— Деньщика боюсь. Самъ мнѣ покаялся. Меня, говоритъ, прапорщикъ Икаевъ призывалъ и приказалъ за вами, господинъ полковникъ, слѣдить и все докладывать ему... Комитеты какіе то будутъ, вотъ бумага вышла. Нѣтъ. Довольно. Я въ лазаретъ пойду, лягу... Тамъ спокойнѣе. Переждать надо. Образумятся же люди.

— Пока солнышко взойдетъ, роса очи выѣстъ, сказалъ ротный.

— А что подѣлаешь? Сидите и молчите. Ихъ сила — ихъ власть. Пусть они и правятъ.

Ротный послушался совѣта и засѣлъ въ землянку, офицеры пугливо жались къ нему. Солдаты стали страшень.

По солдатскимъ землянкамъ тихо и озабоченно шептались. Смысль всѣхъ рѣчей, всего происходившаго въ Петроградѣ и Луцкѣ былъ одинъ: — война кончена. Надо идти домой, нести въ свои хижины давно обѣщанный миръ.

Въ шестнадцатой ротѣ раздобыли кусокъ красного полотна и Воронковъ выводилъ на немъ крупно чернилами — «долой войну!» — Это знамя революціи рѣшено было выставить ночью на ближайшемъ къ непріятелю форту, чтобы непріятель тоже узналъ сладости Русской революціи.

Одинадцатая рота вечеромъ шла въ бригадный резервъ и когда спустилась подъ гору и вышла на

шоссе, ведущее къ разоренному господскому дому, гдѣ помѣщался бригадный командиръ и были землянки резерва, ротный подсчиталъ ногу и крикнулъ пѣсенникамъ:

— Запѣвай лихую!

Но вмѣсто обычной «Три деревни, два села, восемь дѣвокъ, одинъ я», запѣли новую, привезенную Воронковымъ изъ Петрограда пѣсню:

Бшь ананасы, рябчика жуй!
Насталъ твой послѣдній денечекъ буржуй!

На переключку вечеромъ никто не вышелъ и молитву не пѣли. Тщетно фельдфебеля и взводные кричали: «выходи строиться на переключку!» — изъ угловъ землянокъ мрачно отвѣчали: — «ну, будя! будя! чего орете, сказано не пойдѣмъ. Правовъ такихъ нѣтъ, чтобы заставлятъ молиться. Кто хочетъ и такъ помолится».

По угламъ шептались о томъ, что какъ бы не стали въ деревняхъ дѣлать и раздавать землю безъ нихъ и что какая теперь война, когда земли много будетъ и свобода полная, ни господъ, ни Царя.

Медленно и тяжело, какъ мельничные жернова ворочались мозги солдатъ и никакъ не могли переварить случившагося. Обычно въ такихъ случаяхъ солдатъ обращался за разъясненіемъ къ офицеру, но теперь оказывалось, что офицеру вѣрить нельзя.

— Слышь, товарищи, — говорилось по землянкамъ, — Воронковъ сказывалъ, что, когда, значить, народъ рѣшился самъ захватить власть въ свои руки и солдаты пошли къ Думѣ, офицеры не пошли съ ними. Ихъ насильно вытаскивали съ квартиръ, а кого и убили...

— Извѣстно... Господа! Они завсегда противъ народа были. У нихъ одинъ совѣтъ: — дисциплина, и чтобы честь отдавать, и чтобы въ морду за всякую провинность!

— Н-и-да! Это точно.

— Мало кровушки они нашей понили, понить хотятъ и еще.

— Ничего, какъ бы мы ихнею кровью не упились. Настанетъ время. Будетъ Еремѣевская ночь!

Кое гдѣ, въ полъ голоса разъучивали рабочую марсельезу.

III.

19-го марта въ 204-й дивизіи былъ назначенъ большой митингъ. Дивизія должна была избрать делегатовъ для доклада временному правительству о своихъ пожеланіяхъ и принесенія поздравленія съ революціей. На митингъ были почти всѣ офицеры и представители полковъ всего корпуса.

Саблинъ пошелъ на этотъ митингъ для того, чтобы руководить имъ и присмотрѣться къ настроеніямъ солдатъ.

При его входѣ въ большую землянку — церковь и манежъ 805-го полка, всѣ встали и затихли. Оказалось, что уже до него кто то руководить солдатами. Имъ объяснили, что долженъ быть выбранъ предсѣдатель, президіумъ и секретарь. Въ предсѣдатели, какъ чуждая старому режиму, была предложена завѣдующая корпусной летучкой городского союза женщина врачъ Софья Львовна Гордонъ, — красивая полная еврейка, давно равнодушная къ Саблину. Въ президіумъ были избраны офицеры и заслуженные унтеръ офицеры, большинство георгиевскіе кавалеры. По предложенію Софьи Львовны, Саблину было предложено принять почетное предсѣдательствованіе, что было принято единогласно и его сейчасъ же усадили рядомъ съ Софьей Львовной.

— На повѣсткѣ дня, — начала Софья Львовна, — къмъ была составлена эта повѣстка дня, Саблинъ не зналъ и, когда спросилъ, ему сказали, что командиромъ 819-го полка, молодымъ офицеромъ

генеральнаго штаба. — На повѣсткѣ дня значится: избраніе делегата и его товарища для послыши въ Петроградъ и сообщеніе имъ отвѣтовъ дивизиі по слѣдующимъ вопросамъ: — устройство Россійскаго государства, отношеніе къ войнѣ, воинская дисциплина, рѣшеніе вопросовъ о землѣ... для доклада Временному Правительству.

— И совѣту солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, — раздастся голосъ съ мѣста.

— Товарищи! прошу съ мѣсть не говорить, сказала Софья Львовна. — Я полагаю, что намъ надо начать съ избранія делегатовъ для того, чтобы, зная то, что будетъ здѣсь говорить, они могли бы записать, что нужно. Избраніе должно быть сдѣлано закрытой баллотировкой, поданіемъ записокъ. Но для того, чтобы намъ не разойдтись во мнѣніяхъ, и болѣе или менѣе единогласно избрать делегата, я предлагаю назвать тѣхъ, кого вы считали бы достойными быть выразителями мнѣній дивизиі.

Наступила тишина.

— Генерала Саблина, — сказали, вставая прапорщикъ, произведенный изъ фельдфебелей, съ четырьмя георгіевскими крестами на груди. — Какъ, значить, генераль Саблинъ, все одно какъ отецъ намъ, заслуженный генераль и георгіевскій кавалеръ и знаетъ нужды наши и заботится о насъ...

— Просимъ, просимъ! — раздались голоса.

— Не надо генераловъ. Своего изберемъ!

— Товарищи, — раздастся нервный голосъ Воронкова, — мы только что освободились отъ гнета проклятаго царизма, а между прочимъ мы видимъ на погонахъ у генерала вензеля какъ будто самодержавнаго Государя. Теперь Николашка...

— Молчать. — крикнулъ Саблинъ, — не смѣть такъ говорить про Государя! Государя нѣтъ, но оскорблять его память я не позволю!

— Товарищи, вы видите... сказали, отходя съ позеленѣвшимъ лицомъ, Воронковъ.

— Воронковъ, вы не правы, — крикнулъ съ мѣста Верцинскій.

— Генерала Саблина и подполковника Козлова, какъ оба егорьевскіе кавалеры, — сказалъ снова прапорщикъ.

— Георгіевскіе кресты тутъ не причемъ, — крикнулъ кто то съ мѣста.

— Прапорщика Осетрова!

— Капитана Верцинскаго!

— Прапорщика Гайдуга!

— Солдата Воронкова.

— Воронкова! Товарица Воронкова! Просимъ. просимъ.

— Голоса намѣтились, сказала Софья Львовна. — Приступимъ къ голосованію.

Собраніе засуетилось и загомонило. Саблинъ всталъ и вышелъ изъ землянки. Давыдовъ послѣдовалъ за нимъ. На большой полянѣ среди лѣса толпились солдаты. Они съ живымъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что происходило на митингѣ. То и дѣло изъ землянки выбѣгали делегаты и сообщали о томъ, что дѣлается внутри. Саблинъ закурилъ папиросу. Солдаты, стоявшіе неподалеку отъ него, смотрѣли ему въ ротъ, не спуская съ него глазъ. Они были кругомъ и, казалось, не было возможности уйти куда либо отъ нихъ. Они слѣдовали сзади и прислушивались къ тому, что говорили Саблинъ и Давыдовъ. На бѣду Давыдовъ не говорилъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Саблинъ взялъ его подъ руку и они тихо пошли по лѣсу. Мягкій мохъ разступался подъ ихъ ногами, пахло сыростью, хвоей, весною. Въ лѣсу весело перекликались птицы.

— Вы считаете продолженіе войны возможнымъ? — сказалъ Саблинъ.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Давыдовъ.

— Эти люди изберутъ своими вождями тѣхъ, кто имъ будетъ потворствовать и угождать, кто